

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

В. В. Дементьев
Саратов, РоссияV. V. Demytyev
Saratov, RussiaАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕНРИСТИКА:
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ «ОЦЕНКА И ЖАНР»AXIOLOGICAL GENRISTICS: ASPECTS OF
A PROBLEM "EVALUATION AND GENRE"

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее важных и очевидных аспектов речевых жанров – отношению РЖ и оценки. Данная проблема актуальна не только для ТРЖ, но и для лингвистики в целом, хотя пока далека от своего решения.

Обсуждается ключевое для данной проблемы понятие «форма оценки» – разновидность жанровых норм, обуславливающих, с одной стороны, прагматическое, стилистическое, лингвистическое моделирование оценочных действий, с другой – различия между смежными оценочными жанрами. Речежанровые оценки разных типов обуславливают разные типы речевых жанров, отсюда – возможность новых речежанровых классификаций. Обсуждаются классификации, в которых оценка «накладывается» на другие основания классификаций: бахтинские членения типов РЖ (первичные и вторичные РЖ, типы РЖ, различающиеся по степени жесткости); «анкета РЖ» Т. В. Шмелевой; классификация фатических речевых жанров.

Рассматривается оценка в разных околожанровых феноменах речевой системности (оценочное действие, оценочное высказывание, речевой жанр, вариант речевого жанра, коммуникативная тональность, коммуникативный / лингвокультурный типаж).

Речежанровая оценка обсуждается в связи с общими внутрикультурными ценностями.

Ключевые слова: речевой жанр, оценка, форма оценки, классификация, тональность.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the most important and obvious aspects of speech genres – relation of speech genres and evaluation. This issue is important not only for the theory of speech genres, but also for linguistics in general, although it is far from being solved.

We discuss the key concept of this problem – “form of evaluation” – a kind of genre norms that determine, on the one hand, the pragmatic, stylistic, linguistic modeling of evaluative actions, on the other – the differences between adjacent evaluative genres.

Speech genre evaluations of different types determine different types of speech genres, thus – the possibility of new speech genre classifications. We discuss the classification in which evaluation is “superimposed” on other fundamental principles of classifications: M. Bakhtin’s division of types of speech genres (primary and secondary speech genres, types of speech genres varying in rigidity); “Speech genre schedule” by T. V. Shmeleva; classification of phatic speech genres.

Evaluation is shown in different near speech genre phenomena (evaluative acting, evaluative utterance, a variant of evaluative speech genre, communicative tonality, communicative / linguocultural character type).

Speech genre evaluation is discussed in connection with the general intra-culture values.

Key words: speech genre, evaluation, form of evaluation, classification, tonality.

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Введение

Статья посвящена одному из наиболее важных и очевидных аспектов речевых жанров – отношению РЖ и оценки.

Данная проблема актуальна не только для ТРЖ, но и для лингвистики в целом,

где она является частью общего изучения языковой оценки [1–22]. Конечно, это далеко не все работы по языковой оценке. И степень разработанности проблемы языковой оценки в целом на порядок-два больше, чем проблемы «жанр и оценка» в рамках ТРЖ.

Исследования показали, что в языковой оценке важным является человеческий фактор, прежде всего – ситуация оценочного высказывания, компоненты которой (субъект оценки, предмет оценки, основание оценки и др.) обеспечивают сложное, во многом противоречивое семантическое наполнение языковой и речевой оценки (оценочной модальности) [2 : 76; 10 : 148; 16 : 391].

Однако в лингвистических работах по оценке очень мало рассмотрен речезанровый аспект, хотя он охватывает безусловно значимые механизмы концептуализации, стереотипизации и конвенционализации языковых и речевых единиц (если главная форма существования оценки – оценочное высказывание, а главная форма существования высказывания – жанр, то должны существовать стандартные жанровые формы оценочных высказываний).

В ТРЖ актуальность данной проблемы обусловлена, прежде всего, значимостью оценки для речевого жанра. Оценка присутствует в таких важнейших аспектах РЖ, как информация, передаваемая в рамках РЖ, представление предмета речи («тема РЖ» по Бахтину – содержательная позиция говорящего относительно предмета речи [23 : 187–197]), статусные и межличностные отношения, складывающиеся между участниками общения в рамках того или иного РЖ, а также «жанровое мышление» (в работах по когнитивной генрике доказано, что разные жанры представляют разные, но в большинстве также оценочные образы мира [24 ; 25]). Оценка прямо связана с «лексикой жанра», т.е. семантикой лексем, именующих жанры, компоненты жанров и околожанровые явления: среди данных лексем много оценочных, а у большинства нейтральных есть оценочные синонимы [26 : 351 ; 27 : 370–390 ; 4 : 49–58 ; 28]. Эти аспекты отсылают нас к другой бахтинской составляющей «речезанрового триединства» – «стилю РЖ» (напомним, содержание термина *стиль* у Бахтина, как и терминов *тема*, *композиция*, далеки от общепринятых в лингвистике, стилистике и т.д.).

В рамках ТРЖ было довольно много работ, посвященных различным аспектам речезанровой оценки, начиная с М. М. Бахтина. Оценки разных типов, оценочное измерение речи в целом пересекаются с основаниями целого ряда **типологий** РЖ (или даже сами являются такими основаниями), выделяемых там типов (см., прежде всего, [29]), например, оценка связана с

фатическими РЖ, одной из основных типологических характеристик которых является формирование, а тем самым и оценивание, межличностных отношений [30 ; 31 : 209–235 ; 32 ; 33]. Наконец, некоторые исследователи выделяют и изучают непосредственно **оценочные** РЖ – см., например, кандидатскую диссертацию О. Н. Хорешко [34].

Однако, насколько нам известно, отношение жанра и оценки еще никогда не обрело статуса самостоятельной актуальной проблемы ТРЖ.

Думается, это связано, с одной стороны, с разнообразием жанров, а также речевых единиц и категорий околожанрового типа, таких как стиль или тональность (включая разнообразие их со стороны именно оценочности, шире – экспрессии), с другой – с разнообразием оценок и типов оценочной деятельности человека, их возможными связями с такими сложными и многоаспектными феноменами, как эмоции, ценности и их системы, идеология.

Вероятно, именно разнообразие оценок и их типов, очевидные трудности, связанные с поиском системности, и заставили Бахтина признать базовым компонентом РЖ не оценку, а «стиль» (который понимался им как экспрессивная позиция говорящего, точнее – ответная экспрессивная содержательная позиция адресанта речи, а еще точнее – форма данной позиции):

«Одним из средств выражения эмоционально-оценивающего отношения говорящего к предмету своей речи является экспрессивная интонация, отчетливо звучащая в устном исполнении. Экспрессивная интонация – конститутивный признак высказывания. <...> Существуют очень распространенные в речевом общении довольно стандартные типы оценочных высказываний, то есть оценочные речевые жанры <рядка моя. – В. Д.>, выражающие похвалу, одобрение, восхищение, порицание, брань: «Отлично!», «Молодец!», «Прелесть!», «Позор!», «Гадость!», «Болван!» и т.п. Слова, приобретающие в определенных условиях социально-политической жизни особый вес, становятся экспрессивными восклицательными высказываниями: «Мир!», «Свобода!» и т.п. (это особый, общественно-политический речевой жанр). В определенной ситуации слово может приобрести глубоко экспрессивный смысл в форме восклицательного высказывания: «Море! Море!» (восклицают десять тысяч греков у Ксенофонта)» [23 : 189].

Таким образом, Бахтин считал оценочность в РЖ частью экспрессии: оценочные

высказывания да и оценочные РЖ – такое же «средство выражения эмоционально-оценивающего отношения говорящего к предмету своей речи», как и экспрессивная интонация. При этом Бахтин хотя и прямо говорил, что есть оценочные РЖ, но не противопоставлял их остальным жанрам как «неоценочным» (не противопоставлял «РЖ с экспрессией» и «РЖ без экспрессии»), в отличие от последующих исследователей: Бахтин исходил из того, что экспрессия РЖ – важнейший компонент РЖ (упоминавшийся «*стиль РЖ*» в триединстве «*тема ~ стиль ~ композиция*»), который есть в абсолютном большинстве (или даже всех) РЖ, только, вероятно, имеет разное качество и разную степень – эта потенциально типологическая идея, как известно, у Бахтина не получила развития. Бахтин оставил лишь общие соображения относительно природы и функций оценки в РЖ, но не конкретные основания классификации РЖ на основе экспрессии, не определил и отношение экспрессии в РЖ к оценке в РЖ.

К сожалению, ясности не прибавилось в концепциях современных жанроведов, где роль оценки часто противоречива и выступает как функция чего-то другого. Многие исследователи сводят оценочные РЖ к крайностям «*похвалы ~ комплименты*» и «*оскорбления ~ обвинения*», что, конечно, является серьезным упрощением. Так, М. Ю. Федосюк, рассматривая эти две группы оценочных РЖ, считает, что их природа обусловлена функцией быть средством положительного / отрицательного эмоционального воздействия [35 ; 36 ; 37]; Л. Б. Никитина и К. Ю. Малышкин привлекают оценочные РЖ как средство реконструирования образа человека и речевого портретирования [38 ; 39 ; 40]. У упомянутой О. Н. Хорешко [34] группа оценочных РЖ сводится к, с одной стороны, фатическим РЖ, с другой – этикетным, что представляет собой еще более серьезное сужение: в очень высокой степени оценочными являются и многие другие (если не все) РЖ: РЖ публицистического дискурса, и рекламного, и судебного (например *судебный приговор*), и политического (*дебаты*), и педагогического (*экзамен*), и даже научного (например *отзыв официального оппонента на диссертацию*). Конечно, всё это оценки (оценочность) совершенно разных типов, точный состав и соотношение которых еще далеко не ясны: например, *бытовые* РЖ могут быть и не быть оценоч-

ными; есть жанры, основанные на *эстетической* оценке (от *комплимента* до *искусствоведческой рецензии*); оценка может быть передана специальными оценочными высказываниями (уже – специальными оценочными лексемами) и общей формой речи.

Установить точные соответствия между жанром и конкретными лингвистическими, стилистическими и т.д. средствами выражения оценки – дело будущего. Однако некоторые, как представляется, важные направления этого будущего изучения могут быть намечены уже сейчас.

1. «Форма оценки»

Думается, одно из главных противоречий при осмыслении «оценочной» природы РЖ исследователями, несколько слишком прямолинейно усматривающими соответствия между оценкой и жанром либо между типом оценки и типом оценочных РЖ, состоит в том, что с жанрами пытаются связать оценки как таковые (разных структурных и содержательных типов, полярные, т.е. положительные и отрицательные, и шкальные и т.д.), тогда как в РЖ входит, в качестве одного из компонентов, не оценка, а форма оценки. Точно так же в РЖ входят, так сказать, «формы всего остального»: формы высказываний (по Бахтину РЖ являются «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [23 : 192]); формы донесения до адресата своей точки зрения относительно предмета речи («эмоционально-оценивающая позиция говорящего» или «*тема РЖ*» по Бахтину [Там же : 188]); формы построения целого («*композиция РЖ*»); наконец, формы экспрессии («*стиль РЖ*»), куда, по всей видимости, входит и форма оценки.

Что же такое речевая форма оценки, которая тогда должна занимать неотъемлемое и важное место среди правил и норм жанрового моделирования речи? В многочисленных лингвистических работах по оценке такое понятие нам не встретилось. Это кажется странным, потому что бытование оценки или системы оценок в рамках РЖ в виде именно системы форм вполне очевидно.

Возьмем, к примеру, жанр *экзамен*: данным жанром, как системой форм, заданы не столько сами оценки, которые ставит экзаменатор (задана лишь парадигма возможных оценок, да и то с вариантами), сколько многочисленные правила, касающиеся разных сторон того, как должны выстав-

латься оценки: ряд типов оценок исключен, например, оценка должна даваться знанию, а не личностным качествам экзаменуемого; оценка должна быть аргументирована экзаменатором, выражена в корректной форме. Сюда относятся также социальные роли коммуникантов, обуславливающие право и обязанность экзаменатора давать оценку (включая такие формализованные требования к экзаменатору, как документально подтвержденный статус, свидетельство о компетенции и т.д.; свои метрики имеет и экзаменуемый), ожидания от его поведения со стороны экзаменуемого.

На практике эти требования соблюдаются не всегда, но тогда это ошибки, речезанровые аномалии.

Некоторые такие ошибки ярко отображены в художественной литературе: так, в «Скучной истории» А. П. Чехова возможное отклонение обсуждения и оценивания на экзамене разворачивается лишь в воображении главного героя («Голос у сангвиника приятный, сочный, глаза умные, насмешливые, лицо благодушное, несколько помятое от частого употребления пива и долгого лежания на диване; по-видимому, он мог бы рассказать мне много интересного про оперу, про свои любовные похождения, про товарищей, которых он любит, но, к сожалению, говорить об этом не принято. А я бы охотно послушал»). В рассказе В. М. Шукшина «Экзамен» очень существенное отклонение происходит в реальности: профессор, начав с вопросов по экзаменационному билету – о побеге князя Игоря из плена, выяснил в процессе разговора, что студент сам был в плену и бежал, после чего стал задавать вопросы, которые очень интересовали его лично: о поведении и самочувствии человека в плену, – стал делиться своими соображениями на эту тему (довольно нелепыми с точки зрения студента-фронтовика).

Думается, введение понятия формы оценки позволяет уточнить существующие взгляды на оценочные РЖ, систематизировать данные взгляды в рамках одной теоретической плоскости – условно, *аксиологической генристики*.

Так, использование понятия формы оценки удобно для объяснения различий между смежными оценочными РЖ: такие РЖ, как комплимент, похвала, лесть, а также оскорбление, клевета, упрек, попрек, злопожелание, различаются прагматической формой; все они отличаются от таких РЖ, как панегирик, филиппика, памфлет, стилистической формой. В целом в современной ТРЖ типы РЖ выделяются в основном на основе коммуникативной прагматики,

соответственно типы оценочных РЖ – на основе «прагматической формы» оценки. Например, для похвалы являются принципиальными требования и ограничения прагматического характера: интенция адресанта, отношения между адресантом и адресатом (статусные и межличностные), объект оценки и отношение к нему адресата, – и не являются существенными многие структурно-семиотические параметры, такие как типы оценки (это может быть и логическая, и этическая, и эстетическая оценка (хотя чисто эстетическая – это все же скорее комплимент, а не похвала)). Кстати, оценочные РЖ, которые становились объектом самостоятельного исследования в ТРЖ, тоже понимались там фактически не как «РЖ, где есть оценка», а как РЖ, где оценка связана с прагматикой [34]. Добавим, что прагматическая форма РЖ может распространяться на р е а к ц и и собеседника (особенно много конфликтов порождают оценки, с которыми собеседник не согласен, причем несогласие может вызывать не только оценка как таковая, но и ее прагматическая, стилистическая и т.д. ф о р м а) .

Несоответствия конкретных оценочных действий жанровым правилам тоже нередко становились объектом художественного отображения.

Ср., например, сцену в фильме Эльдора Уразбаева «Инспектор ГАИ» (1982), где честный милиционер – герой Сергей Никоненко – решает наказать высокопоставленного коррумпированного чиновника – героя Никиты Михалкова. Догнав преследуемого, инспектор вначале по всей форме представляется (отдавая честь), требует у него документы, а затем начинает многократно компостировать талон нарушений, «поясняя» свои действия: *«За то, что Вы подонок! За то, что Вы мерзавец! За то, что Вы подлец! Сволочь такая!..»*.

Несоответствия обыгрываются и в анекдотах, например следующих двухрепликовых интернет-анекдотах:

– Ты човаще рамсы попутал нормальному пацану гнилые предьявы делать? Ты же этот фуфел даже обосновать не сможешь! А за порожняк знаешь чо бывает?

– Коллега, я понимаю, что волнение, что это ваша первая адвокатская речь в суде. Но поверьте более опытному адвокату, так к гособвинителю лучше не обращаться.

– Ого, ничего себе пещера! Интересно, если крикнуть, эхо будет? Ау-у-у...

– А вы точно гинеколог?

– Как же всё запарило, сука. Каждый день одно и то же. Одно и то же, сука.

– Доченька, иди скорей завтракать, в садик опоздаешь.

(См. наши статьи [41 ; 42], где мы рассматриваем группу двухрепликовых интернет-анекдотов, основным механизмом комизма в которых является обыгрывание ошибок коммуникативной прагматики.)

Распределение **прямых** и **косвенных оценок** в жанре тоже входит в прагматическую форму. Есть типы жанров / дискурсов, где косвенным оценкам не место: в научном, учебном и, по-видимому, дипломатическом дискурсе; наоборот, косвенные оценки вполне допустимы в публицистическом, политическом, художественном, рекламном, разговорном дискурсе.

Что же касается собственно **лингвистических** особенностей оценочных РЖ, различий, существующих между разными типами оценочных РЖ (сюда можно отнести, напри-

сти той или иной оценки тем или иным способом выражения находится в прямой зависимости от степени жесткости жанра (см. § 2), с другой стороны – полная детерминированность, по-видимому, все же редкое явление (так, даже на *экзамене* у экзаменатора весьма богатый выбор средств, чтобы выразить и положительную, и негативную оценку, оставаясь при этом в рамках «формы оценки жанра»). Конечно, формализация, например, для разработки соответствующих автоматизированных программ, неоднократно осуществлялась соответствующими специалистами – ср. экзаменационные задания тестового типа [43], однако подобные высокоформализованные оценочные жанры представляют скорее исключение.

Итак, введение понятий, с одной стороны, формы оценки РЖ, с другой – прагматической, стилистической, лингвистической формы РЖ позволяет точнее описывать и различать оценочные РЖ. Следует подчеркнуть, что такой подход соответствует кон-

Сосредоточение формы оценки в компонентах оценочных РЖ:

Таблица 1

Форма оценки	тема = прагматическая форма оценки		стиль		композиция = лингвистическая форма оценки	
	положительная	отрицательная	положительная	отрицательная	положительная	отрицательная
Жанр <i>похвала</i>	√					
<i>оскорбление</i>		√				
<i>реклама</i> (<i>рекламное объявление</i>)			√			
<i>памфлет</i>				√		
<i>рецензия</i>					√	√

мер, конкретные оценочные лексемы и идиомы, синтаксические конструкции (использование восклицательных предложений, вводных слов, дискурсивов), частицы, образные средства языка (метафора, эпитет, ирония) и др. лингвистические механизмы и носители оценки), ситуация выглядит несколько парадоксально: хотя именно им больше всего внимания уделялось в традиционных лингвистических исследованиях, данные средства изучены в целом совершенно недостаточно с рассматриваемой нами точки зрения – как «лингвистическая форма оценки оценочных речевых жанров», связанная с другими типами форм оценки в них. (Следует подчеркнуть, что такое положение вещей представляется в целом противоестественным, поскольку противоречит тому, что Бахтин считал *композицию* главным компонентом РЖ.) Пока, т.е. до проведения специального большого исследования, можно высказать предположение, что, с одной стороны, степень детерминированно-

цепции Бахтина и представляет собой ее развитие: «*тема РЖ*» – форма прагматики, или прагматическая форма; «*стиль РЖ*» – форма экспрессии, или стилистическая форма; «*композиция РЖ*» – лингвистическая форма (синтаксические структуры и лексическое наполнение).

Отсюда становится возможной начальная классификация РЖ: 1) РЖ, где главный тип формы – прагматическая форма («*тема РЖ*») (РЖ воздействия; непрагматические фатические РЖ); 2) РЖ, где главное – «*стиль РЖ*» (все художественные жанры; политические и рекламные РЖ; этикетные и некоторые праздничные фатические РЖ, такие как *светская беседа*); 3) РЖ, где главное – «*композиция РЖ*» (например, жанры научного стиля / дискурса). (Конечно, надо иметь в виду, что в конкретных РЖ названные моменты типизации и стереотипизации касаются одновременно и темы, и стиля, и композиции; однако в большинстве РЖ все-

таки, как правило, можно выделить какой-то один главный.)

Начальная типология оценочных РЖ на основе главного момента оценочной типизации и стереотипизации, т.е. формы оценки, представлена на Табл. 1.

Следует сказать еще об одном важном членении оценок в РЖ: 1) оценки, высказываемые участниками жанра, «**изнутри**»; 2) даваемые участникам жанра и самому жанру **извне**.

Этой двойной природе оценки и оценочной деятельности в оценочных речевых жанрах / речевых актах посвящен цикл работ Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева. В первой их работе [4 : 49–58] речь идет о речевых актах (более близких традиционной лингвистике), спустя два десятилетия Шмелев (увы, Булыгина к тому времени уже умерла) говорит непосредственно о речевых жанрах [44 : 372–380]. По мнению исследователя, принципиально важно различать 1) восприятие РЖ представителями культурно-языковой общности, в которой эти РЖ используются, и посторонними наблюдателями – как представителями иной культурно-языковой общности, так и исследователями; 2) характеристику РЖ в представлении того, кто его реализует, и характеристику наблюдателем [Там же].

Какая оценка – изнутри или извне – входит в обсуждаемую нами форму оценки речевого жанра? На первый взгляд, больше соответствует самому понятию «формы» оценка извне, поскольку это результат определенной рефлексии, зафиксированный как в национальной культуре (есть жанры, оцениваемые скорее положительно (*разговор по душам, роман*), есть – отрицательно (*донос*)), так и в языке – в семантике речевых слов, прежде всего глаголов (данной семантике была посвящена большая часть статьи Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева 1994 г.). Однако оценку извне можно считать формой оценки только в той мере, в какой относятся к форме все нормы, правила, конвенции, обусловленные культурой, но не жанром. По-видимому, речежанровая форма оценки – оценка изнутри: она порождается жанром. Все примеры, которые мы приводили до сих пор, демонстрировали такой тип оценки.

Таким образом, понимаем форму оценки в РЖ как разновидность жанровых норм, обуславливающих, с одной стороны, прагматическое, стилистическое, лингвистическое моделирование оценочных

действий, с другой – различия между смежными оценочными жанрами.

2. Речежанровые оценки и речежанровые классификации

Поскольку в разных оценочных речевых жанрах существуют разные типы оценок, различаются и сами оценочные жанры. Это обуславливает возможность соответствующей речежанровой классификации.

Прежде всего, в уже существующих классификациях оценка может «накладываться» на другие критерии или основания классификаций (это касается не только тех классификаций, где выделяются оценочные РЖ).

Так, в логике **бахтинских** членений типов РЖ, оценки могут накладываться на 1) **первичные и вторичные РЖ** [23 : 161–162], 2) типы РЖ, различающиеся **по степени жесткости** [Там же : 181–182]. Второй случай представляется более ясным и простым: жесткие оценочные РЖ (*экзамен, отзыв официального оппонента*) регламентируют количество оценок и их стилистико-экспрессивные способы выражения, объекты оценивания и степень связи оценок и коммуникативно-прагматических (социальных и межличностных) отношений между коммуникантами; в более свободных жанрах эти параметры допускают варьирование (*критическая статья, рецензия на книгу*).

Но оценка может быть не менее важна и для вторичных РЖ, точнее, для отношений между первичными и вторичными РЖ. Действительно, во вторичном (оценочном) РЖ тип и даже форма оценки, возможно, меняется по сравнению с соответствующим первичным, но данная форма обязательно сохраняет явную связь с первичным РЖ: ср. *благодарность* и *благодарственную молитву* (*акафист, кондак, тропарь, величание*); *угрозу* и такие дипломатические жанры, как *нота* и *ультиматум*; наконец, оскорбление в межличностной коммуникации «*Идиот!*» и *идиотизм* как клинический диагноз (слова могут, наоборот, переноситься из специальной терминологии в непосредственную коммуникацию («*Дебил!*», «*Шизоид!*», «*Олигофрен!*»)).

Что именно происходит с оценкой, когда на базе оценочного РЖ развивается вторичный РЖ? С одной стороны, поскольку вторичный РЖ всегда имеет отношение к изменению стиля [45], это не может не привести к какой-либо трансформации, модификации

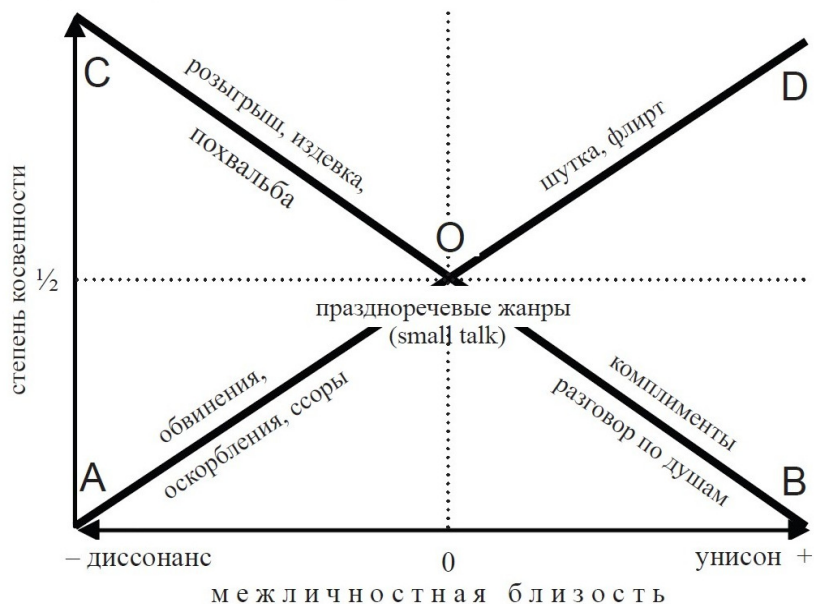

Рис. 1

оценки. С другой стороны, «толчок» к развитию вторичного РЖ могут дать разные вещи в первичном РЖ (подобно *метафоре*, которая, как известно, тоже может развиваться из разных сем в первоначальной / прямой номинации). Неизменной же, по-видимому, во вторичных РЖ остается прагматика оценки, т.е. прагматическая форма.

Конечно, оценка в речевом жанре может накладываться и на другие его типологические характеристики, например, в «**анкете РЖ**» Т. В. Шмелевой, которая в этом отношении оказывается противоречивой: с одной стороны, в ней выделяются непосредственно **оценочные РЖ** (выделяются они на основании параметра «*цель РЖ*», т.е. прагматической формы оценки, а именно: их цель – «изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей» [29 : 91–92], наряду с такими типами, как *информативные, императивные, этикетные РЖ* [Там же]), с другой стороны – оценка в них может «располагаться» в разных параметрах данной модели: «*предмете речи*», «*образе автора*», «*образе адресата*», «*образе коммуникативного прошлого*», «*образе будущего*» и т.д.

В этом смысле наиболее, по-видимому, существенной для параметра «*цель РЖ*» является та оценка, которая касается «*образа адресата*»: данная оценка наиболее непосредственно определяет характер коммуникации (фатическая или информативная, кооперативная или конфликтная), причем это касается и прямой, и косвенной оценки (косвенная оценка влияет на характер межличностных отношений менее непосредственно, превращая тип взаимодействия в суггестию, например, косвенная положительная

оценка адресата (которая может вычитываться из оценки других компонентов РЖ: предмета речи, автора, коммуникативного прошлого); так, К. Ф. Седов исследовал *комплимент* как жанр *суггестии* [46 : 200–210]).

Оценки, содержащиеся в остальных компонентах анкеты Шмелевой, определяют характер коммуникации и межличностных отношений менее непосредственно (суггестия): оценка в образе автора, т.е. самооценка, непосредственно «творит» коммуникативную цель ряда жанров (*похвальба, самоуничижение*), а в качестве суггестии, как фактор косвенной оценки адресата и отношений с ним, – «творит» ее более опосредованно (та же *похвальба*, которая предполагает, что адресат хуже или ниже адресанта и должен завидовать ему, «*лесть через самоуменьшение*», снисходительная тональность и т.д.). (В целом выделяется довольно обширная группа оценок, которые не определяют собственно коммуникативную цель жанра, а только его **тональность** – см. о них в § 3.)

То же можно сказать о предмете речи (если это не непосредственно адресант или адресат), образе коммуникативного прошлого, образе будущего.

Выскажем несколько соображений о месте оценки в классификации **фатических речевых жанров**, разрабатываемой нами на основе двух критериев: качество межличностных отношений и степень косвенности («*Андреевский флаг*») [30 ; 31 : 209–235] (рис. 1).

Речежанровые оценки непосредственно связаны с «*Андреевским флагом*» практически на всех его участках, но названные два критерия – качество межличностных отношений и степень косвенности – должны быть дополнены еще двумя: 3) оценивается себе-

седник или кто-то / что-то еще (например, сам говорящий); 4) оценка направлена на создание (фатически значимого) образа адресата или адресанта или ничего такого не предполагается.

Всё это позволяет несколько переосмыслить **косвенность** на «Андреевском флаге»: вероятно, есть закономерные соотношения между степенью косвенности данного РЖ и существованием пары «тип жанра ~ тип суггестии или тональности» (*угроза* ~ угрожающая тональность; *инвектива* ~ инвективная тональность; *признание в любви* ~

? влюбленная тональность и подоб. «модальные тональности» – см. § 3). РЖ, рас-

(+) означает, что данная оценка имеет положительное значение (идет на пользу) для жанра (не путать с отношениями коммуникантов); (++) означает, что оценка конституциональна, облигаторна для жанра, например, положительная оценка себя для похвалы); (-) означает, что оценка в целом идет во вред жанру; (--) что невозможна); (0) означает, что оценка нейтральна

ния прагматики (фатики), но не с точки зрения собственно оценки: эти оценочные высказывания сами по себе могут быть совершенно прямыми.

Возвращаясь к идее оригинальной классификации, основанной на оценке, – если свести воедино параметры существующих классификаций РЖ, где оценка особенно значима, можно получить ранжированную схему, представляющую роль оценки по отношению к различным значимым параметрам РЖ. Исходя из того, что оценка в РЖ может быть необходима для его успешного

осуществления (собственно оценочные РЖ), препятствовать этому успешному осуществ-

Таблица 2

Тип оценки Жанр	оценка себя				оценка адресата				оценка предмета речи			
	положительная		отрицательная		положительная		отрицательная		положительная		отрицательная	
	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная
<i>Экзамен</i>	0	0	0	0	0	0	0	-	+	+	-	-
<i>Разговор по душам</i>	0	0	0	0	+	+	0	-	0	+	0	0
<i>Похвала</i>	0	0	0	0	++	+	-	-	+	+	-	-
<i>Похвальба</i>	++	0	-	-	--	-	0	+	+	+	0	0
<i>Угроза</i>	0	0	-	-	0	-	0	+	0	+/-	0	+/-
<i>Ссора</i>	0	+	-	-	--	-	++	+	0	+/-	0	+/-

положенные в нижней части «Андреевского флага», больше тяготеют к таким парам, например, вполне определенно соотносятся с типами тональностей все прямые диссонансные РЖ (отрезок ОА). В других случаях же оказывается, что то, что мы с точки зрения фатики и межличностных отношений считали «косвенностью», имеет своим основанием именно оценку, причем это оценки разных типов, обуславливающие не столько разную степень косвенности жанра, сколько различные качественные его характеристики, которые в большинстве случаев еще далеко не ясны.

Так, на «Андреевском флаге» точки А и В с нулевой косвенностью – наименее фатические жанры: нулевая косвенность делает их кроме осуществления улучшения / ухудшения отношений еще и *сообщениями* об этом – а следовательно, оценочными высказываниями, где оценка *п р я м а я*. Во всех остальных ФРЖ доля сообщения меньше, при этом оценка способствует улучшению / ухудшению отношений, а следовательно, имеет *н е п р я м о й* характер с точки зре-

лению (дипломатические жанры) или быть безразличной для него (жанры делового и производственного общения), и это может по-разному проявляться для таких важнейших составляющих РЖ, как автор, адресат, предмет речи, представим данные отношения в виде таблицы – Табл. 2.

Таким образом, противопоставляются РЖ на основе 12 возможных оценок:

прямая / косвенная положительная / отрицательная оценка себя;

прямая / косвенная положительная / отрицательная оценка адресата;

прямая / косвенная положительная / отрицательная оценка предмета речи (который ≠ непосредственно ни говорящему, ни адресату).

3. Оценка в разных околожанровых феноменах речевой системности

Даже если задача состоит в том, чтобы выявлять роль оценки *т о л ь к о* в жанре речи, – эту задачу, очевидно, невозможно решить до конца, не учитывая роль оценки в смежных околожанровых феноменах рече-

вой системности, таких как *оценочное действие, оценочное высказывание, речевая стратегия, речевая тактика, речевой акт, вариант речевого жанра, коммуникативная тональность, стиль, коммуникативный / лингвокультурный типаж*. По отношению ко многим из них собственно РЖ лишь одна из возможных разновидностей (или стадий), и не во всех случаях базовая.

Так, оценки (оценочные высказывания, оценочная деятельность, оценочные шкалы) создают **тональность**.

Отношения с РЖ тональности в целом (с точки зрения, близкой к рассматриваемой нами оценке и оценочности) выявлены Т. О. Багдасарян [47 ; 48] и В. И. Карасиком [49], которые опираются на бахтинское понятие *переакцентуации*: «речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)» [23 : 192].

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [49 : 384]. В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость / многоплановость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания / формы общения [Там же : 386]. В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности: информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасциативная (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) (сам В. И. Карасик считает свой список открытым) [Там же : 386–411].

Т. О. Багдасарян исследует трансформацию жанров по признаку тональности [47]. На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях: выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому. Т. О. Багдасарян выделяет 36 таких тональностей. Считаю полезным привести этот список целиком: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «робко», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно», «над-

менно», «агрессивно», «с отвращением», «настойчиво», «мрачно», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «с тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково».

Кстати, то, как Бахтин понимал роль экспрессии в формировании жанров и вариантов жанров, возможно, несколько противоречит нашему предположению, что он включал все возможные речевые оценки в «экспрессию жанра»: упоминание Бахтиным «жанра шутливой эпитафии» позволяет говорить как о несобственном употреблении существующего жанра, так и о создании нового жанра. В этом смысле экспрессию (и оценку) можно понимать и как жанропорождающий феномен, и как «жанродополняющий», порождающий лишь «переакцентуацию», тональность, но не жанр.

Согласно Т. О. Багдасарян [47 ; 48], исходя из отношений генеральной семантики того или иного РЖ с семантикой той или иной тональности, тональность может быть **модельной** (соответствует РЖ) или **вариативной** (существенно отличается от РЖ или противоречит ему) (этот же параметр был положен в основу начальной классификации РЖ, представленной на табл. 1). Точно так же аналог модельной тональности – оценка в специальных оценочных жанрах, вариативной – в остальных. Это, конечно, лишь частичная аналогия, поскольку, во-первых, оценки используются достаточно обильно и далеко за пределами группы собственно оценочных РЖ, во-вторых, оценки чрезвычайно разнообразны (например, на основании своей прагматики: оценивается адресат речи, сам говорящий или «третьи» лица и участники коммуникации (эти факторы отчасти учитывались в классификации РЖ, представленной на табл. 2)). Многим жанрам соответствует модельная тональность: «жанр *светской беседы* ~ светская тональность», «жанр *просьбы* ~ просительная тональность» и т.д. Конечно, пара «тип жанра ~ тип тональности» существует не всегда: например, существует циничная тональность, но соответствующий ей тип РЖ, по-видимому, отсутствует (^{??}циничная беседа).

Ранее нами уже предпринималась попытка выявлять группы / цепочки околожанровых феноменов речевой системности [50] – на том этапе только с точки зрения лексем,

именующих отдельные звенья цепочки, и только применительно к заимствованиям.

Поскольку целью было когнитивное исследование ментальных образов данных околожанровых феноменов речевой системности в сознании носителей языка (на материале анкетирования), в центре внимания были коммуникативные концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание: зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

Стандартная структура коммуникативного концепта представляет собой цепочку «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ жанр».

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки (очевидно, что такие ситуации редки, особенно в случае заимствованных концептов).

На первый план может выходить речевая типизация, действие (коммуникативные и речевые акты), процессуальность (коммуникативные и речевые события и сложные события), манера поведения, роль в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – лингвокультурный типаж).

Соответственно в области имен данных коммуникативных концептов на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) имя типажа (естественно, это существительное), речевого действия: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несом. вида), имя процесса (существительное) или же непосредственно имя жанра (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Идея строить цепочки, где звенья соответствуют смежным феноменам речевой системности, представляется плодотворной не только для изучения заимствованных имен жанров и околожанровых феноменов речевой системности: данные цепочки могут быть рассмотрены и в других аспектах, например оценочном.

И здесь необходимо подчеркнуть, что для данной цели названная цепочка «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ жанр» обязательно должна быть дополнена звеном «коммуникативная тональность».

Как в целом в цепочках, представляющих компоненты коммуникативных концептов, есть основные звенья, так и в оценочных цепочках есть главные оценочные звенья (а

другие звенья могут, с этой – оценочной – точки зрения, отсутствовать), например, в высокой степени наполненной оценочной цепочке *лесть ~ льстить ~ льстец ~ льстиво / льстивый* основной, как, видимо, и в большинстве подобных, жанр, зато в одной из новейших цепочек *тролль ~ троллинг ~ троллить* основной типаж: *тролль*; жанр, вероятно, есть: *троллинг* (как показала анкета, жанр здесь воспринимается даже как основной, хотя *тролль* словообразовательно исходный), тональность, видимо, тоже есть, хотя прилагательное и наречие отсутствуют (*тролльский*, *по-тролльски*).

Что касается конкретного **языкового оформления** цепочки «жанр ~ тональность», некоторые детали выявила уже анкета: на первый план выходили однословные названия – существительные и глаголы; прилагательные и особенно наречия встречались в ответах очень редко (очевидна их маркированность): «действие / РА (глагол) ~ имя жанра (существительное) ~ тональность: 1) характеристика жанра (существительного ⇒ прилагательное), 2) характеристика действия / РА (глагола ⇒ наречие)».

Можно сделать предварительный вывод (конечно, он нуждается в тщательной проверке – специальном лингвистическом исследовании), что данная жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвальба*);

2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться, клеветать, подстрекать*));

3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:

а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;

б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*

4. Речеганровая оценка и культурные ценности

Конкретные оценки, оценочные шкалы производны от ценностей, обусловленных общей национальной культурой, оценивающей языковой картиной мира и т.д. При этом сам РЖ представляет «мини-картину мира» [51 ; 24 ; 25], которая, с одной стороны, более или менее хорошо согласуется с общей национально-культурной картиной мира, системой ценностей, с другой стороны – обуславливает (через речеганровые ценности) конкретные оценки, осуществляемые в рамках того или иного РЖ.

Г. Г. Слышкин исследует разные жанровые картины мира внутри общей национально-культурной КМ. Понимая речевой жанр как «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [51 : 178], ученый доказывает, что концептуальная насыщенность, или спектр ценностей, реализуемых в рамках данного речевого жанра, достигает максимального уровня, когда в картину мира, конструируемую в текстах данного жанра, входят определенная фактуальная информация о самом жанре и ценностное отношение к нему (сам жанр при этом фигурирует в качестве одного из активизируемых в нем метапонятий). Такие жанры «концентрируют в себе аксиологически полярные пласты человеческого сознания – научную и утилитарно-бытовую картины мира» [Там же : 180]. В картине мира каждого жанра выделяется один или несколько системообразующих концептов, а также ряд более частных концептов, которые являются средством конкретизации системообразующих концептов (в жанре мелодрамы это концепт «любовь», в жанре детектива – «тайна», в трагедии – «несчастье») [Там же]. Таким образом, концептуальная насыщенность жанра становится основанием концептологической типологии жанров.

Оценочные речеганровые картины мира обуславливают отношение к порождаемой или представляемой ситуации коммуникации, предмету речи и самим коммуникантам (собеседнику и себе самому), отношениям между ними (представляется мой партнер как друг или враг, я смотрю на него нежно или грубо и т.д.).

Оценка должна соответствовать, во-первых, нормам речевого жанра, во-вторых – общим национально-культурным нормам. Первые и вторые не всегда соответствуют друг другу: противопоставляются жанры, поддерживаемые данной культурой, и не поддерживаемые ею [31 : 248–258 ; 52 : 56–62].

Своеобразие культурно-коммуникативного пространства внутри конкретной речевой культуры определяется соотношением всех поддерживаемых и не поддерживаемых жанров; при выявлении закономерностей их сочетаемости выявляются типы. Конечно, в системе концептов даже одной национально-речевой культуры всегда существуют противоречия, детально рассмотренные, например, в исследованиях по национальной паремииологии, «фразеологическим картинам мира». С одним и тем же жанром могут соотноситься одновременно положительные и отрицательные характеристики; существует много синонимических имен жанров, отражающих такие амбивалентные оценки. Амбивалентным в этом отношении может быть даже одно и то же название (идиома).

Нарушение первых чаще приводит к коммуникативной неудаче, зато последствия и санкции за нарушение вторых могут быть гораздо более тяжелыми (комплимент, сделанный «не так и не о том», может обидеть).

Сами ценности, с которыми связана оценка в РЖ, тоже могут быть разными, это обуславливает различия (иногда весьма существенные) оценочных жанров.

«Философские ценности», то есть ценности самого общего характера, проистекают из самоочевидных витальных потребностей людей: «Необходимо есть и спать», «следует отличаться от животных»; наряду с ними существуют утилитарные и моральные нормы поведения, также имеющие «общечеловеческий» характер. «Философские ценности» трактуются как «обобщенные, устойчивые представления о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека» [53 : 228], которые заставляют людей действовать определенным образом.

Среди общекультурных ценностей выделяются особые ценности, существующие как нормы поведения, например: «Нельзя причинять вред своим», «Люди должны помогать друг другу (особенно в трудное время)», «Нельзя бросать людей в беде», «Нельзя быть неблагодарным», «Следует быть честным», «Следует советоваться с людьми» [54]. Наконец, существуют коммуникативные ценности, которые можно понимать как частное проявление поведенческих ценностей и норм.

Общечеловеческие / общекультурные / универсальные ценности «преломляются» в национально-языковом сознании, образуя национально-специфические системы внутрикультурных ценностей. Например, *коллективизм*, *жертвенность*, *социальная справедливость* могут получить общественно значимое звучание, стать основанием ценностных установок, определяющих сознательно выбираемые человеком (группой, гражданами) позиции. Требуют особого осмысления ценности, нормы и оценки как категории этического сознания, высту-

пающие ориентирами высшего порядка. Морально-этические ценности определяют «уровень и форму социальной активности, направленность, отношение к другим людям, себе, миру вообще» [55 : 14]. Это представления людей о добре, гуманизме, справедливости, милосердии, чести, долге, стыде, любви к Родине, Богу и др., «те духовные необходимости и невозможности, которым сознание придает форму убеждений, а бессознательное – форму благородного характера» [56 : 10].

РЖ, в которых оценка связана с глобальными культурными ценностями, и РЖ, в которых оценка не связана с ними, очень сильно различаются. Ср. выше о противопоставлении у Бахтина оценки, связанной исключительно с экспрессией РЖ, и оценки, связанной с содержательной позицией говорящего (т.е. «темой РЖ»); «оценка № 1» (экспрессия) является жанрообразующей, порождает тональность, а «оценка № 2» (тема РЖ) – жанрообразующей и порождает РЖ.

Разница между экспрессивными и мировоззренческими оценками, несовпадение у партнеров по коммуникации вторых приводят к мировоззренческому размежеванию. Это ярко проявляется в идеологических, особенно длительных конфликтах, подобных нынешнему украинскому.

Вот цитата из статьи Маринэ Восканян новейшего времени (март 2016), где осмысляются события на Украине, – точнее, реакция на них: неприемлимое размежевание в российском обществе, протекающее из разных оценок происходящего:

Население отвлеклось от шопинга и телевизора и стало определяться, за «болотных» оно или за «государственников». Но это самоопределение казалось делом совершенно внутривосским. В отличие от последующих через пару лет украинских событий оно не позволяло определить свое место в мире и не раскалывало общество по-настоящему (хотя тогда казалось именно так).

Участники болотных митингов и их противники спокойно могли вместе выпить, обсудить свои разногласия на предмет, должен ли Путин уйти из Кремля, разругаться и посчитать себя теперь врагами. Точнее, один другого посчитал бы оболваненным кремлевской пропагандой, а тот своего оппонента соответственно – недалекой жертвой либеральных идей, не понимающей, к чему они ведут.

А потом случился Крым и «русская весна».

Как мы понимаем из дня сегодняшнего, все эти либерально-патриотические разногласия того периода были просто светской беседой по сравнению с обсуждением вопроса: «Есть ли фашизм

на Украине» или «Виноваты ли сами жертвы 2 мая в том, что их сожгли?». В случае с украинским национализмом и его действиями на Украине возник водораздел, где никакого диалога быть уже не может. <http://www.km.ru/v-rossii/2016/03/21/situatsiya-vokrug-kryma/773760-vysokaya-planka-krymskogo-konsensusa>

Показательно сравнение ранней стадии этого размежевания со *светской беседой* – жанром, где, как известно, оценки чисто стилистические, экспрессивные. В конце же оценка (не собеседника) «они – фашисты (или нет)» приводит к глубочайшему мировоззренческому конфликту, в результате чего диалог становится невозможным.

В качестве примера национально-культурной ценностной категории, обуславливающей ряд конкретных оценочных шкал, коннотаций, можно привести социальное, психологическое, коммуникативное противопоставление официальности и неофициальности, которое оформляется в целом ряде аксиологических шкал («неформально ~ формально», «лично ~ безлично», «персонально ~ имперсонально»), в том числе на языковом уровне. В нашей книге [52] было показано, как данная оппозиция ([P] ~ [-P]) отражается в системе русского языка: лексике, фразеологии, паремиологии – и речевой систематике: речевых жанрах, прагматических сценариях культуры, а тем самым – восходит к базовым характеристикам традиционной русской культуры. Очень многие факты современной жизни, коммуникации убеждают, что данная оппозиция остается актуальной и сегодня, а в некоторых аспектах (например, с появлением и активизацией ряда новых сфер коммуникации) даже значительно усиливается (см. об отличиях с этой точки зрения разных жанров интернет-энциклопедий – Википедии и Луркоморья [57]).

*

Главным выводом из сказанного мы считаем идею о «форме оценки» как о речевжанровой обусловленности оценки. Именно как речевжанровая «форма оценки» в преломлении РЖ предстают оценки, выражаемые средствами и лексикой, и стилистикой, и семантикой, и синтактикой, и прагматикой речевого жанра (включая прямые и косвенные оценки).

Идея о «форме оценки» позволяет уточнить актуальные в современной лингвистике вопросы оценки, оценочной модальности, оценочных шкал, обнаружить ряд значимых элементов системности в них.

Как представляется, данная системность является важным промежуточным звеном между собственно языковой системностью (как правило, исследования по оценке в со-

временной лингвистике сосредоточиваются только на этом аспекте) и психическими состояниями коммуниканта, его общим оценочным отношением к миру, включая ситуацию общения и собеседника (*интенциональное состояние* по Дж. Серлю [58 : 48–95]). В упомянутых лингвистических исследованиях по оценке признается важность этих психологических и социальных факторов, однако жанровый аспект, которому посвящена наша статья, речезанровая «форма оценки», как правило, не затрагиваются, а без этого попытки осмыслить лингвистическую, семиотическую, психологическую, коммуникативную, социальную природу оценки никогда не будут по-настоящему успешными, а наши знания о этой природе – полными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М.: Прогресс, 1982. С. 5–40.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Бондарко А. В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 49–58.
5. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. 70 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
7. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания, 1986. № 5. С. 98–106.
8. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.
9. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 236 с.
10. Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать. М.: Фаир-Пресс: ГРАНД, 2002. 300 с.
11. Кузнецова В. А. Категория отрицательной оценки и ее отражение в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 20 с.
12. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное самодекодирование // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 24–34.
13. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.
14. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. М.: Изд-во ИКАР, 1997. 320 с.
15. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.
16. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
17. Трипольская Т. А. Языковая интерпретация чужой оценки // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26-28 февраля 2001 г.) / Отв. ред. В.Д. Черняк. СПб., 2001. С. 315–322.
18. Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 183–195.
19. Шейдаева С. Г. Категория субъективной оценки в русском языке: Автореф. дис... докт. филол. наук. Н. Новгород, 1998. 41 с.
20. Ягубова М. А. Лексико-семантическое поле «Оценка» в русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 21 с.
21. Stich S. Moral Philosophy and Mental Representation // The Origin of Values / ed. by M. Hechter, L. Nadel, R. E. Michod. New York: Aldine de Gruyter, 1993. Pp. 215–228.
22. Strawson P. F. Identifying reference and truth-values // Theoria. XXX. 1964. Pp. 96–118.
23. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
24. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 34–49.
25. Bhatia Vijay K. Applied genre analysis: a multi-perspective model // Ibérica. 2002. № 4. Pp. 3–19.
26. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
27. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
28. Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.
29. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–98.
30. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
31. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
32. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.
33. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
34. Хорешко О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 126 с.

35. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 66–88.

36. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

37. Федосюк М. Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург : Арго, 1997. С. 60–73.

38. Никитина Л. Б. Образ-концепт «homo sapiens» через призму жанров русской речи *сентенция, портретирование, одобрение, порицание* // Жанры речи. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 241–251.

39. Никитина Л. Б. Языковой образ пожилого человека через призму оценочных речевых жанров // Жанры речи. 2014. №1-2(9-10). Саратов, 2014. С. 89–96.

40. Никитина Л. Б., Малышкин К. Ю. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // Жанры речи. 2015. №2(12). С. 72–79.

41. Дементьев В. В. Новые двухрепликовые интернет-анекдоты: обыгрывание ошибок коммуникативной прагматики // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 88–109.

42. Дементьев В. В. Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы (в печати).

43. Гуц Е. Н., Леонтьева О. А. Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования (к проблеме языковой личности выпускника школы) // Жанры речи. Саратов, 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 210–218.

44. Шмелев А. Д. Русские речевые жанры извне и изнутри // Русский язык сегодня. Вып. 6 : Речевые жанры современного общения : сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. А. В. Занадворова. М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. С. 372–380.

45. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 51–56.

46. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia philologica).

47. Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 23 с.

48. Багдасарян Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 240–245.

49. Карасик В. И. Коммуникативная тональность // Жанры речи. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 81–94.

50. Дементьев В. В. Некоторые методологические принципы изучения речевых жанровых заимствований // Вестник Российского университета дружбы народов : Научный журнал. Серия Лингвистика. 2016. № 1. С. 7–24.

51. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.

52. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком : Языки славянских культур, 2013. 338 с. (Studia philologica).

53. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М. : Гардарики, 1998. 472 с.

54. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

55. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности (Психологические исследования). М. : Знание, 1985. 64 с.

56. Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. 432 с.

57. Дементьев В. В. «Луркоморье» vs. «Википедия» = «неформально» vs. «формально»? // Жанры речи. 2015. №1(11). С. 137–151.

58. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М. : Прогресс, 1987. С. 48–95.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Lingvisticheskiye problemy referentsii [Linguistic problems of reference]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, vyp. 13 [New in foreign linguistics, vol. 13]. Moscow, 1982, pp. 5–40.

2. Arutyunova N. D. *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment. Happening. Facts]. Moscow, 1988. 341 p.

3. Bondarko A. V. (otv. red.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, 1990, 264 p.

4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Otsenochnyye rechevyye akty izvne i iznutri* [Estimated speech acts from the outside and from the inside]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical analysis of language. Language speech acts]. Moscow, 1994, pp. 49–58.

5. Vaulina S. S. *Yazykovaya modal'nost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya (diakhronicheskiy aspekt)* [Language modality as a functional-semantic category (diachronic aspect)]. Kaliningrad, 1993, 70 p.

6. Volf Ye. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, 1985, 228 p.

7. Volf Ye. M. *Otsenochnoye znacheniye i sootnosheniye priznakov «khorosho/plokho»* [Estimated value of the ratio and signs of "good / bad"]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1986, Nr 5, pp. 98–106.

8. Volf Ye. M. *Metafora i otsenka* [Metaphor and evaluation]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, 1988, pp. 52–65.

9. Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of logic of evaluations]. Moscow, 1970, 236 p.

10. Ivin A. A. *Ritorika: iskusstvo ubezhdad'* [Rhetoric: The art of persuasion]. Moscow, 2002, 300 p.

11. Kuznetsova V. A. Kategoriya otritsatel'noy otsenki i yeye otrazheniye v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Category of negative evaluation and its reflection in modern English language: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Leningrad, 1980. 20 p.
12. Lyapon M. V. Otsenochnaya situatsiya i slovesnoye samodelirovaniye [Evaluating situation and verbal self-modeling]. *Yazyk i lichnost'* [Language and identity]. Moscow, 1989, pp. 24–34.
13. Markelova T. V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke [Pragmatics and semantics of means of evaluating the expression in the Russian language]. Moscow, 2013, 300 p.
14. Pisanova T. V. *Natsional'no-kul'turnyye aspekty otsenochnoy semantiki: esteticheskiye i eticheskiye otsenki* [National-cultural aspects of the evaluation of semantics: the aesthetic and ethical evaluation]. Moscow, 1997, 320 p.
15. Romanova T. V. *Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost'* [Modality. Evaluation. Emotionally]. Nizhny Novgorod, 2008, 309 p.
16. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, 1986. 143 p.
17. Tripol'skaya T. A. Yazykovaya interpretatsiya chuzhoy otsenki [Language interpretation of someone else's evaluation]. *Govoryashchiy i slushayushchiy: yazykovaya lichnost', tekst, problemy obucheniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (St. Petersburg, 26-28 February 2001)* [Speaker and listener: linguistic identity, text, learning problems: Proceedings of the International Scientific Conference (St. Petersburg, February 26-28, 2001)]. V. D. Chernyak (ed.). St. Petersburg, 2001, pp. 315–322.
18. Hare P. M. Deskriptsiya i otsenka [Descriptions and evaluation]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1985, vol. 16, pp. 183–195.
19. Sheydayeva S. G. *Kategoriya sub'yektivnoy otsenki v russkom yazyke: avtoref. dis... dokt. filol. nauk* [Category of subjective evaluation in Russian: Doct. philol. sci. thesis diss.]. N. Novgorod, 1998. 41 p.
20. Yagubova M. A. *Leksiko-semanticheskoye pole «Otsenka» v russkoy razgovornoy rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic field «Evaluation» in the Russian speaking: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 1992. 21 p.
21. Stich S. Moral Philosophy and Mental Representation. *The Origin of Values*. M. Hechter, L. Nadel, R. E. Michod (eds.). New York: Aldine de Gruyter, 1993, pp. 215–228.
22. Strawson P. F. Identifying reference and truth-values. *Theoria*, XXX, 1964, pp. 96–118.
23. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov. [Problem of speech genres]. *M. M. Bakhtin. Sobraniye sochineniy. T. 5. Raboty 1940 – nachala 1960-kh godov* [Works. Vol. 5. Works of 1940 – beginning of 1960]. Moscow, 1997, pp. 159–206.
24. Slyshkin G. G. Rechevoy zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genre: Prospects of conceptology analysis]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 34–49.
25. Bhatia Vijay K. Applied genre analysis: a multi-perspective model. *Ibérica*, 2002, no. 4, pp. 3–19.
26. Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of the person according to language: an attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1995, no. 1, pp. 37–67.
27. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, 2014. (Studia Philologica).
28. *Yazyk o yazyke* [The language of the language]. Moscow, 2000. 624 p.
29. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.
30. Demytyev V. V. *Faticheskoye rechevye zhanry* [Phatic speech genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1999, no. 1, pp. 37–55.
31. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi* [The theory of speech genres and actual processes of the modern speech]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 2015, no. 6, pp. 78–107.
32. Borissova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: the structure and dynamics]. Yekaterinburg, 2001, 430 p.
33. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, 1999. 396 p.
34. Khoreshko O. N. *Zhanrovyy aspekt polozhitel'noy otsenki litsa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre aspect of a positive assessment of the person: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 125 p.
35. Fedosyuk M. Yu. *Issledovaniye sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi* [Research means of speech influence and theory of speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 66–88.
36. Fedosyuk M. Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1997, no. 5, pp. 102–120.
37. Fedosyuk M. Yu. *Semantika sushchestvitel'nykh rechevoy deyatelnosti i teoriya zhanrov rechi* [The semantics of nouns of speech activity and theory of speech genres]. *Russkoye slovo v yazyke, tekste i kul'turnoy srede* [Russian word in language, text and cultural environment]. Yekaterinburg, 1997, pp. 60–73.
38. Nikitina L. B. *Obraz-kontsept «homo sapiens» cherez prizmu zhanrov russkoy rechi: sententsiya, portretirovaniye, odobreniye, poritsaniye* [Image-concept «homo sapiens» through the prism of Russian speech genres: maxim, portraiture, approval, disapproval]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 241–251.
39. Nikitina L. B. *Yazykovoy obraz pozhilogo cheloveka cherez prizmu otsenochnykh rechevykh zhanrov* [The language image of an elderly man in the light of the

evaluating speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2014, no. 1-2(9-10), pp. 89–96.

40. Nikitina L. B., Malyshev K. Yu. Rechevoy zhanr nauchnoy retsenzii cherez prizmu kategorichnosti otsenki [Speech genre of scientific review in the light of categorical evaluation]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2015, no. 2(12), pp. 72–79.

41. Demytyev V. V. Novyye dvukhreplikovyye internet-anekdoty: obyryvaniye oshibok kommunikativnoy pragmatiki [New two-phrases Internet jokes: playing on mistakes of communicative pragmatics]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2016, no. 2, pp. 88–109.

42. Demytyev V. V. Internet-anekdoty: nekotoryye strukturnyye tipy [Internet jokes: some structural types] (in press).

43. Guts Ye. N., Leont'yeva O. A. Zhanrovo-kompozitsionnyye osobennosti sochineniya YeGE kak predmet ortologicheskogo issledovaniya (k probleme yazykovoy lichnosti vypusknika shkoly) [Genre-composite features of the exam works as a subject of study orthological (to the problem of linguistic personality of the graduate school)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 7. Saratov, 2011, pp. 210–218.

44. Shmelev A. D. Russkiye rechevyye zhanry izvne i iznutri [Russian speech genres from the outside and from the inside]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 6: Rechevyye zhanry sovremennogo obshcheniya: sb. dokladov / In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN* [Russian language today. Vol. 6: Speech genres of modern communication: Institute of Russian Language of Academy of Sciences n.a. V. V. Vinogradov]. Moscow, 2015, pp. 372–380.

45. Orlova N. V. Zhanry razgovornoy rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: k voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra [Genres speaking and their «stylistic treatment»: the question of the relationship of style and genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 51–56.

46. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, 2016. 440 p. (Studia philologica).

47. Bagdasaryan T. O. *Tonal'nyj komponent modal'nosti v kommunikatsii (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Tonal component in the

communication modality (in the English and Russian language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Krasnodar, 2000. 20 p.

48. Bagdasaryan T. O. Tonal'nost' kak komponent modeli rechevogo zhanra (na materiale rechevogo zhanra «ugroza») [Tonality as a components of a model of speech genre (based on the speech genre «threat»)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 240–245.

49. Karasik V. I. Kommunikativnaja tonal'nost' [Communicative tonality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

50. Demytyev V. V. Nekotoryye metodologicheskiye printsipy izucheniya rechezhanrovyykh zaimstvovaniy [Some methodological principles of studying of speech genres borrowing]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov: Nauchnyy zhurnal. Seriya Lingvistika* [Russian journal of Linguistics. Vestnik RUDN], 2016, no. 1, pp. 7–24.

51. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic-cognitive concepts and meta-concepts]. Volgograd, 2004. 128 p.

52. Demytyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, 2013. 336 p.

53. Guseynov A. A., Apresyan R. G. *Aetika* [Ethics]. Moscow, 1998. 472 p.

54. Karasik V. I. *Jazykovo-lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. 476 p.

55. Bratus' B. S. *Nravstvennoye soznaniye lichnosti (Psikhologicheskiye issledovaniya)* [The moral consciousness of personality (Psychological Research)]. Moscow, 1985, 64 p.

56. Il'in I. A. *Put' k ochevidnosti* [Path to the evidence]. Moscow, 1993, 432 p.

57. Demytyev V. V. «Lurkomor'ye» vs. «Vikipediya» = «neformal'no» vs. «formal'no»? [«Lurkmore.ru» vs. «Wikipedia» = «informally» vs. «formally»?]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2015, no. 1(11), pp. 137–151.

58. Searle J. R. *Priroda intentsional'nykh sostoyaniy* [Nature of intentional states]. *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow, 1987, pp. 48–95.

Статья поступила в редакцию 31.08.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В. Аксиологическая генеристика : аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. №2. С. 9–24. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

FOR CITING

Demytyev V. V. Axiological genistics: aspects of a problem «evaluation and genre». *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 9–24. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24 (in Russian).